

УДК 327(47+410)

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-42-57

Особенности советско-британского концессионного сотрудничества в 1920-х гг.

Евгений Ю. Сергеев

*Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия, eugene.sergeev59@gmail.com*

Аннотация. Статья раскрывает особенности советско-британского взаимодействия в сфере концессионной деятельности на протяжении 1920-х гг., когда обе стороны столкнулись с серьезными трудностями в процессе послевоенной реконструкции их экономик. Поиск большевистским правительством новых форм привлечения иностранного капитала для ускоренной индустриализации соответствовал стремлениям британских промышленников получить источники дешевого сырья, чтобы расширить рынки сбыта технических товаров и оборудования. Несмотря на политические трудности, именно концессии могли стать удобным каналом поступления иностранных капиталовложений в СССР. Статистические данные свидетельствуют о том, что этому способствовала новая экономическая политика (нэп), получившая поддержку кремлевского руководства и нашедшая позитивный отклик европейской общественности. К середине первого послевоенного десятилетия советское руководство получило несколько тысяч концессионных предложений западных компаний, включая британские, которые наряду с германскими производителями занимали лидирующие позиции еще в хозяйстве Российской империи. Автор опровергает ошибочное мнение о тотальной экономической блокаде, якобы установленной капиталистическими странами, чтобы экономически «задушить» Страну Советов. На практике в период расцвета иностранных концессий (1925–1927 гг.) доля производства отдельных видов продукции на предприятиях с участием иностранного капитала составляла от 30 до 80%. Однако, как показывает статья, основанная на архивных документах и опубликованных материалах, целый ряд объективных и субъективных факторов не могли не привести к краху советско-британского концессионного сотрудничества в первой половине 1930-х гг. Типичным примером явилось дело «Лены Голдфилдс», подробно рассмотренное автором публикации.

Ключевые слова: советско-британские отношения, иностранные концессии в СССР, новая экономическая политика (нэп), первый пятилетний план, Лена-Голдфилдс

© Сергеев Е.Ю., 2025

Для цитирования: Сергеев Е.Ю. Особенности советско-британского концессионного сотрудничества в 1920-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 4. С. 42–57. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-42-57

Features of the Soviet-British concession collaboration in the 1920s

Evgenii Yu. Sergeev

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, eugene.sergeev59@gmail.com*

Abstract. The article reveals the features of the Soviet-British cooperation in the field of concession activities during the 1920s, when both sides faced serious difficulties in the process of post-war reconstruction of their economies. The Bolshevik government's search for the new forms of attracting foreign capital for accelerated industrialization corresponded to the aspirations of British industrialists to obtain the sources of cheap raw materials to expand the markets for technical goods and equipment. Despite the political difficulties, it was the concessions that could become a convenient channel for foreign investment in the USSR. Statistics show that this was facilitated by the New Economic Policy (NEP), which gained the support of the Kremlin leadership and found a positive response from the European public. By the middle of the first post-war decade, the Soviet leadership had received several thousand concession offers from Western companies, including the British ones, which, along with the German manufacturers, still occupied the leading positions in the economy of the Russian Empire. The author refutes the erroneous opinion about a total economic blockade allegedly set up by capitalist countries in order to economically "strangle" the Land of the Soviets. In reality, the share of the certain types of products at enterprises with the participation of foreign capital ranged from 30 to 80% during the heyday of foreign concessions (1925–1927) in the USSR. However, as the article, based on archival documents and published materials, shows, a number of objective and subjective factors could not but lead to the collapse of the Soviet-British concession cooperation in the first half of the 1930s. A typical example was the case of the "Lena Goldfields", which was analyzed in detail by the author of the publication.

Keywords: Soviet-British relations, foreign concessions in the USSR, New Economic Policy (NEP), first five-year plan, Lena Goldfields

For citation: Sergeev, E.Yu. (2025), "Features of the Soviet-British concession collaboration in the 1920s", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 42–57, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-42-57

По мнению многих современников – политиков, дипломатов, экономистов – глобальное хозяйство к середине 1920-х гг. преодолело основные последствия мировой войны, что, казалось бы, открыло эру бесконфликтного движения человечества по пути процветания. Отражением этих настроений стало восстановление золотого стандарта ведущими державами, ускоренное развитие новых отраслей и беспрецедентный экономический бум в США, который позволил современникам назвать первое послевоенное десятилетие «эрой процветания» (*prosperity*).

Распад четырех империй и возникновение более десятка национальных государств на их месте привели к сокращению внутренних рынков, возведению таможенных барьеров на новых границах и затруднениям для свободного перемещения через них людей, капиталов и товаров на фоне локальных конфликтов. Ситуация усугублялась ревизионистскими тенденциями в деятельности сменявших друг друга германских правительств, приходом к власти крайне правых националистов (фашистов) в Италии, а также неприятием Советской Россией условий Версальского миропорядка.

Несмотря на переход глобального первенства по объему промышленной продукции и товарооборота к США, изоляционистская позиция американских правящих кругов на международной арене позволяла Великобритании сохранить лидерство в сферах банковских услуг, страхования, фрахта морских грузовых перевозок и других видах «невидимого экспорта» [Boyce 2009, pp. 260–261].

Возвращение консервативного правительства С. Болдуина к золотому стандарту в 1925 г., казалось бы, укрепило экономическое положение Соединенного Королевства (СК). Однако устаревание основных фондов, прежде всего оборудования тяжелой промышленности, заставляло британские компании оптимизировать производство для сокращения издержек. Это приводило к росту безработицы, а вслед за ней и социальной напряженности [Pollard 1983, p. 51]. К неблагоприятным факторам экономического характера, повлиявшим на общее положение дел, следовало отнести возрастание конкуренции со стороны американских, японских, французских, а затем и германских производителей товаров с высокой добавленной стоимостью, что сокращало экспортные возможности британской индустрии [Hayes 1978, p. VII]. Насущная потребность сохранения имперского статуса и обеспечения социального порядка внутри СК определяла задачи британского правительства в области экономики. Их решение затруднялось падением цен на основные потребительские товары во второй половине 1920-х гг., а также зависимостью внутреннего рынка от импорта зарубежного сырья [Knieckerbocker 1931, pp. 212–222].

В этой связи британские производители выражали заинтересованность в развитии хозяйственных связей с Советской Россией, необходимость ускоренной индустриализации которой требовала от кремлевского руководства использования новых методов управления экономикой. Они обуславливались модернизацией промышленности и формированием современного аграрного комплекса на основе резкого повышения производительности труда. Для выполнения этих задач предполагалось использовать не только внутренние источники капиталовложений, но и зарубежные инвестиции. Однако их привлечение затруднялось отсутствием в СССР частной собственности и существованием государственной монополии внешней торговли. Выходом из сложившегося положения в условиях новой экономической политики (нэп) могли стать иностранные концессии – смешанные государственно-частные предприятия, которые создавались согласно договорам, заключенным на длительный срок (обычно на 3–20 лет) между Государственным концессионным комитетом (ГКК) при Совете народных комиссаров (СНК) и зарубежными компаниями.

Несмотря на то что отечественные и зарубежные исследователи уже обращались к рассмотрению концессионной политики советского государства, характер, особенности и значение этой формы экономического взаимодействия между СССР и СК до настоящего времени не являлись предметом изучения [Красин 1928, с. 385–394; Бутковский 1928; Sutton 1968–1971; Касьяненко 1972, с. 179–191; Шишкин 1983, с. 247–273; Донгаров 1990, с. 84–120; Lewis 1994, pp. 198–215; Давыдова 2002, с. 72–91; Шпотов 2008, с. 184–192]. Поэтому цель статьи заключается в попытке восполнить указанный пробел, опираясь на материалы российских и британских архивов, обзоры экспертов, воспоминания современников и статистические данные, обобщенные в справочных изданиях. Автор стремится реконструировать объективную картину советско-британского взаимодействия в области концессий, устранив ее искажения и детализировав ряд аспектов.

Важно отметить, что руководителями ГКК, который формально подчинялся Концессионной комиссии Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), просуществовав с 21 августа 1923 г. до 14 декабря 1937 г., как правило, назначались авторитетные большевистские деятели, включая таких известных лиц как Г.Л. Пятаков (занимал пост председателя с 1923 по 1925 г.), Л.Д. Троцкий (в 1925–1927 гг.) и Л.Б. Каменев (в 1929–1932 гг.) [Донгаров 1990, с. 85]. Несмотря на это, советская концессионная политика на протяжении 1920-х гг. испытывала подъемы и спады благодаря нескольким факторам: колебаниям общего курса кремлевского

руководства, ожесточенной внутривластной борьбе, а также изменениям международной ситуации.

Учитывая значительную роль, которую традиционно играли британские банки и компании в хозяйственных связях России с другими государствами, большевистскому руководству в новых условиях требовалось заинтересовать их в концессионной программе как неотъемлемой части нэп. Однако восстановление, а тем более расширение контактов с «капитанами британской индустрии» было затруднительно главным образом по политическим мотивам. Таковыми на протяжении 1920-х гг. являлись, во-первых, недоверие к кремлевскому руководству со стороны банкиров лондонского Сити, вызванное национализацией собственности британских юридических и физических лиц в годы революции и гражданской войны, а во-вторых, негативное восприятие большевистского режима общественностью СК из-за неурегулированности вопроса о российских государственных и частных долгах Великобритании. Характерно, что в отчете ГКК за 1925–1926 финансовый год отмечалось: «К сожалению, политические взаимоотношения с Англией также очень мешают нам использовать имеющиеся на английском рынке концессионные возможности»¹.

Как известно, согласно условиям концессионного договора, в обмен на развитие производства зарубежный инвестор приобретал право получать сверхприбыль, облагаемую налогом по льготным ставкам, а также пользоваться другими преимуществами по ввозу и вывозу капитала из страны [Sutton 1968–1971, p. 7]. Таким образом, с 1922 по 1929 г. советское правительство получило 2670 (из них 223 британских) предложений о концессиях. Однако в 1928 г. реально действовало лишь 113 концессий с общим капиталом 68 млн руб. (по другим данным – 57,7 млн руб.) [Sutton 1968–1971, p. 44]. На концессионных предприятиях были заняты около 20 тыс. работников, что давало примерно 1% всей промышленной продукции народного хозяйства Страны Советов. Хотя в отдельных отраслях, как, например, в изготовлении электротехнического оборудования, добычи цветных металлов и золота эта доля могла в разные годы достигать 30–60 и даже 100% [Бутковский 1928, с. 32, 42, 53, 93; Касьяненко 1972, с. 179; Давыдова 2002, с. 72]. Приведенные данные опровергают распространенную в советской историографии легенду об «экономической изоляции» страны, трудящиеся

¹ Отчет ГКК при СНК СССР за 1925–1926 гг., 10 февраля 1927 г. // Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.): документы и материалы / ред. М.М. Загоруйко. М.: Современная экономика и право, 2005. Т. 2. С. 263.

которой якобы строили социализм исключительно на собственные средства.

Общее количество соглашений, подписанных ГKK с британскими компаниями, составило 22, причем пик инвестиционной активности пришелся на период расцвета нэп с 1923 по 1926 г., когда стороны заключили 19 договоров (правда, одновременно были ликвидированы 5 британских концессий²). По количеству созданных предприятий на концессионной основе за все годы нэп английские компании занимали второе место, хотя и значительно уступали немецким (соответственно 205 и 709)³.

По мнению ряда авторов, наиболее успешным периодом деятельности ГKK стали 1925–1927 гг., когда ее аппарат находил поддержку у председателя СНК А.И. Рыкова – решительного сторонника концессионной политики [Шпотов 2008, с. 184]. Характерно, что даже разрыв дипломатических отношений между Москвой и Лондоном в конце мая 1927 г. первоначально не повлиял на концессионную политику. Так, в проекте постановления СНК по отчетному докладу ГKK от 2 июля 1927 г. говорилось о ее продолжении как «одного из серьезных факторов упрочения нашего международного положения»⁴. Однако реорганизация ГKK, объявленная 14 декабря 1927 г. вскоре после снятия с должности его председателя Троцкого, свидетельствовала о неоднозначном подходе ряда кремлевских лидеров к деятельности совместных предприятий.

Казалось, что начало первой пятилетки способно вызвать новый всплеск концессионной активности в 1928 г., когда Рыков поручил Госплану СССР разработать перспективную программу, Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило «Основные положения по привлечению иностранного капитала», а зарубежные инвесторы получили приглашение вкладывать финансовые средства в более чем 100 крупных хозяйственных объектов из-за острого внутреннего дефицита свободных финансовых средств⁵. Но общая трансформация политического курса на рубеже первого и второго послевоенных десятилетий наряду с началом Великой Депрессии 1929–1933 гг. не могли не привести к сокращению концессионной деятельности, а спустя несколько лет и к полному отказу от нее. Переломным моментом

² Иностранные концессии в СССР. Т. 2. С. 248–250.

³ Там же. С. 217.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 55. Д. 1440. Л. 25–26: Проект постановления СНК по отчетному докладу ГKK, 2 июля 1927 г.

⁵ Там же. Д. 1859. Л. 2–64 об.: Отчет о работе ГKK при СНК СССР за 1927–1928 г., 23 августа 1929 г.

сотрудничества Москвы и стран Запада, включая Великобританию, в этой области явилось решение СНК от 27 декабря 1930 г. о прекращении новых концессионных соглашений [Данильченко 2000, с. 16]. Спустя три дня секретное постановление СНК «Об организации концессионного дела» фактически заменило такие соглашения договорами о техническом сотрудничестве. К середине 1930-х гг. в СССР продолжали действовать лишь 34 (по другим данным – 37) концессий, а спустя пять лет их вообще не осталось, кроме советско-японского нефтедобывающего предприятия на Сахалине [Sutton 1968–1971, 2, pp. 1–17; Давыдова 2002, с. 83–85].

Отчет комиссии по чистке аппарата ГКК от 10 августа 1930 г. содержал претензии ревизоров относительно раздутости штатов, слабости трудовой дисциплины и общем «искривлении линии партии». В отчете сотрудников надзорных органов подчеркивалось: «Отношение аппарата к отдельным концессионерам в целом не соответствует той позиции, которую должны занимать партийные и советские работники»⁶. Несмотря на явные плюсы иностранных концессий – отчисление части валютной прибыли в госбюджет, ввоз в страну современного оборудования и передовых технологий, решение проблемы безработицы и более высокие, почти в 1,5–2 раза, заработки трудящихся, занятых на концессионных предприятиях, они оставались для советской экономики инородным телом [Данильченко 2000, с. 15].

Из-за перехода к административно-командной системе концессионная политика отторгалась советским государством, столкнувшись с трудностями, которые очень скоро привели ее в тупик. Главные из них заключались в существенных различиях оплаты и условий труда концессионных и государственных предприятий, трудностях проведения валютных операций при параллельном существовании номинального и реального курсов рубля, а также обязательстве передать основные фонды большевистскому государству после окончания срока действия соглашений. Наконец, многие советские граждане под влиянием пропаганды рассматривали иностранных концессионеров как врагов рабочего класса⁷.

Из основных видов концессий в практике советско-британских хозяйственных отношений преобладали смешанные формы, подразумевавшие долевое участие отечественного и иностранного капитала наряду с оказанием технического содействия зарубежными

⁶ Отчет о деятельности рабоче-крестьянской комиссии Народного комиссариата РКИ СССР по чистке аппарата ГКК при СНК СССР, 10 августа 1930 г. // Иностранные концессии в СССР. Т. 2. С. 151.

⁷ Иностранные концессии в СССР. Т. 2. С. 263.

специалистами. Наиболее крупными британскими концессиями по объему инвестиций во второй половине 1920-х гг. являлись компании, добывавшие полезные ископаемые: «Лена Голдфилдс», «Тетюхе Майнинг Корпорейшн», «Аян Корпорейшн» и «Приамурское горнопромышленное акционерное общество». Все они имели договоры на срок более 30 лет. Хотя в других отраслях также работали совместные предприятия, например, «Метрополитен-Виккерс Электрикал Компани» – в электротехнической промышленности, «Московский индустриальный синдикат» – в химической и строительной, «Русанглолес» и «Двинолес-экспорт» – в деревообрабатывающей, «Руссобрит», «Труссе» и «Унион» – в сельском хозяйстве [Бутковский 1928, с. 79; Донгаров 1990, с. 97–98, 108].

История деятельности в России каждой из перечисленных британских концессий требует специального рассмотрения. Однако стоит подробнее остановиться на одной из них – «Лена Голдфилдс» (далее – «Лена») как наиболее показательном примере несовместимости принципов рыночной экономики и административно-командных методов управления народным хозяйством. Указанный выбор оправдан еще двумя обстоятельствами: во-первых, «Лена» являлась крупнейшим и наиболее длительно действовавшим концессионным проектом британцев в России, а во-вторых, к началу 1930-х гг. она обеспечивала 30–35% (по разным оценкам) добычи не только банковских, но и некоторых стратегических цветных металлов [Sutton 1968–1971, vol. 1, pp. 47, 95–99; vol. 2, pp. 23–31; Донгаров 1990, с. 96–97]⁸.

С 1908 г. «Лена» занималась добычей золота, серебра и полиметаллических руд (цинка, свинца и меди) на месторождениях в пределах Ленско-Витимского горного округа Сибири площадью 7 тыс. кв. км, Ревдинского и Сысертского районов Урала площадью 1,5 тыс. кв. км, а также Змеиногорского и Зырянского округов Алтая на пространстве в 12 тыс. кв. км⁹. Потеряв все капиталы и имущество из-за национализации большевистским правительством, владельцы корпорации во главе с председателем правления Г. Гведаллой после длительных переговоров с упоминавшимся председателем ГЭК Пятаковым все же добились 30 апреля 1925 г.

⁸ *Майский И.М.* Воспоминания советского посла. М.: Наука, 1964. Кн. 2. С. 157–161; Иностранцы концессии в СССР. Т. 2. С. 433–437, 719–727; 729–730.

⁹ Annual report on the Soviet Union, 1930. Ovey, British ambassador to USSR, to Henderson, UK foreign minister, 10 March 1931 // The National Archives of the United Kingdom (TNA). Foreign Office Papers (FO) 418/132. F. 14.

заключения концессионного соглашения сроком на 30–50 лет в зависимости от месторождения¹⁰.

По его условиям концессионеры обладали довольно широкими правами, включая освобождение от арендной платы за использование основных фондов. В то же время они обязывались инвестировать в основной капитал 22 млн руб. [Балашов 2012, с. 124], отчисляя ежегодно в госбюджет от 4 до 8% валовой прибыли (норма зависела от вида продукции)¹¹. Воодушевленный первыми результатами работы, Гведалла на годовом собрании акционеров 26 января 1926 г. оптимистично заявил: «Я более чем когда-либо впечатлен тем, что по любому вопросу, требующему практического решения, мы всегда встречаем доброжелательное отношение [советских властей. – Е. С.]»¹².

Результаты деятельности компании на закате нэп действительно впечатляли. К 1929 г. на ее предприятиях было занято 15 тыс. рабочих, общие инвестиции составили 13 млн руб., а объем аккумулированной валовой прибыли достиг 9,5 млн ф. ст., из которых на 1928 г. пришлось почти 400 тыс. ф. ст.¹³ Помимо горнорудных предприятий компания владела угледобывающими шахтами Кузбасса, двумя железными дорогами, фабриками по производству проволоки и гвоздей, а также несколькими грузовыми пароходами. Согласно концессионному договору «Лена» обязывалась ежегодно добывать 6,5 т золота, но за 1928 г. было произведено 8 т благородного металла. При этом средняя эффективность добычи на одного рабочего составила 2,73 кг, тогда как на советских приисках она не превышала 0,44–0,59 кг [Sutton 1968–1971, vol. 1, 96].

По ироничному замечанию современника, «иностранные концессии в России являлись видом спорта богатых людей, которые могли себе позволить дорого заплатить за свой опыт». Поэтому уже в апреле 1928 г. газета «Экономическая жизнь» развернула кампанию критики работы «Лены», опубликовав статью под красноречивым названием «Этому нужно положить конец». Автор обвинял концессионеров в чрезмерной эксплуатации рабочих,

¹⁰ ГА РФ. Ф. 8426. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–82: Проект концессионного договора ГКК с компанией «Лена Голдфилдс», апрель 1925 г.; Lena Goldfields Concession Agreement, 30 April 1925 // TNA. FO 418/146.

¹¹ ГА РФ. Ф. 8426. Оп. 1. Д. 11. Л. 8: Отчисления с доходов концессионеров компании «Лена Голдфилдс», апрель 1925 г.

¹² Цит. по: Possibilities of British – Russian trade. An investigation by British MPs. L.: The Anglo-Russian Parliamentary Committee, 1926. P. 68.

¹³ Майский И.М. Указ. соч. Кн. 2. С. 158–159.

случаях хищения золота на приисках, постоянных нарушениях трудовой дисциплины, а также использовании различных схем ухода от налогов¹⁴.

Непосредственным поводом к сворачиванию работы концессии стала забастовка рабочих золотых приисков с требованием увеличить им зарплату в 20 раз! 15–16 декабря 1929 г. в российских офисах «Лены» прошли обыски, а 12 служащих были арестованы по обвинению в антисоветской деятельности (общее количество задержанных лиц по делу «Лены» составило 131 чел.)¹⁵. Сложившееся положение обсуждалось на заседании Политбюро, члены которого фактически одобрили прекращение концессионного договора¹⁶. 21 декабря 1929 г. специальная комиссия рассмотрела грубые нарушения, якобы допущенные руководящими менеджерами и ведущими инженерами компании¹⁷. Они обвинялись в невыполнении пунктов концессионного соглашения относительно строительства цинкового завода, оборудования медеплавильных фабрик и наращивания добычи золота. Но главными претензиями властей к руководству компании стали вредительство и шпионаж, который осуществляли британские специалисты вместе с завербованными ими советскими инженерами и техниками¹⁸.

11 февраля 1930 г. глава ГКК Каменев поместил в «Известиях» сообщение о нарушениях правлением «Лены» концессионного договора, а спустя месяц в сообщении ТАСС говорилось о неоднократных требованиях ГКК возобновить долевые отчисления в гос-

¹⁴ ГА РФ. Ф. 2350. Оп. 1. Д. 636. Л. 1–143: Обзор случаев хищения золота и хулиганства в компании «Лена Голдфилдс», 1928 г.

¹⁵ Sokolnikov, Soviet Plenipotentiary to UK, to Henderson, 28 December 1929 // Documents on British Foreign Policy, 1919–1939 (DBFP) / ed. by W.N. Medlicott, Dakin D. et al. L.: HMSO, 1958. Second ser. Vol. 7. P. 58; Телеграмма правления компании «Лена Голдфилдс» об обысках служебных помещений и квартир ее сотрудников, 13 января 1930 г. // Документы внешней политики СССР (ДВП СССР) / отв. ред. А.А. Громыко. М.: Госполитиздат, 1969. Т. 13. С. 86–87.

¹⁶ *Бажанов Б.Г.* Борьба Сталина за власть: Воспоминания личного секретаря. М.: Алгоритм, 2017. С. 263–265.

¹⁷ Ovey to Henderson, 23 December 1929 // TNA. FO 418/71. F. 138–140; Annual report of the UK Embassy in the USSR, 1 January 1931 // Ibid. FO 418/132.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 88. Л. 1–2: Протокол заседания комиссии при ГКК по делу компании «Лена Голдфилдс», 21 декабря 1929 г.; Письмо ГКК правлению компании «Лена Голдфилдс», 25 января 1930 г. // ДВП СССР. Т. 13. С. 87.

бюджет, которые остались без ответа, что вынудило правительство поставить вопрос о закрытии концессии¹⁹.

18 апреля 1930 г. состоялся суд над арестованными гражданами СССР – сотрудниками «Лены», руководство которой заблаговременно отозвало на родину всех иностранных специалистов. Решения СНК и ГКК от 5 мая того же года о расторжении концессионного договора в связи с прекращением инвестирования, нарушениями прав рабочих и занятием монопольного положения в экономике СССР вызвало встречный иск концессионеров, которые оценили свои убытки суммой в 12 млн 965 тыс. ф. ст. (более 100 млн руб.) при совокупной оценке имущества на балансе компании в 83 (по другим данным – 89) млн руб. В результате трех месяцев предварительного следствия и десяти заседаний с 7 августа по 2 сентября 1930 г. решением арбитражного суда в Берлине (куда Москва отказалась направить делегата, признав концессионную сделку аннулированной²⁰) советское правительство обязывалось выплатить почти 13 млн ф. ст. владельцам «Лены», что вызвало энергичный протест Кремля²¹.

Таким образом, акционерам компании не оставалось ничего другого, как обратиться за поддержкой к правительству Великобритании в октябре того же года. Подключение к ним официального Лондона ознаменовалось направлением в Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) запросов Форин офис относительно выполнения Москвой решения берлинского суда²². Реагируя на эти ноты, Москва сначала заявила о нераспространении компетенции НКВД на обсуждение вопросов частного характера, а затем о незаконности международного арбитражного суда по иску владельцев «Лены» и отказе советских официальных органов участвовать в нем²³.

Наконец, 26 мая 1931 г. в Женеве состоялась беседа наркома М.М. Литвинова с лейбористским министром иностранных дел

¹⁹ Известия. 1930. 11 февр., 3 марта; ГА РФ. Р-8350. Оп. 1. Д. 88. Л. 47–60 об.: Основные нарушения концессионного договора со стороны компании «Лена Голдфилдс», 27 марта 1930 г.

²⁰ Известия. 1930. 12 мая.

²¹ Documents of the Lena Goldfields Ltd. arbitrary process, 9 May – 2 September 1930 // TNA. Treasury papers (T) 160/555; Lena Goldfield arbitration, 2 September 1930 // FO 418/73. F. 196–210.

²² Овий – в НКВД, 1 ноября 1930 г.; Крестинский – Овию, 4 декабря 1930 г. // ДВП СССР. Т. 14. С. 772–773.

²³ Овий – Литвинову, 14 января 1931 г.; НКВД – Овию, 20 февраля 1931 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 05. Оп. 11. Пап. 75. Д. 35. Л. 2–2 об., 3–6.

А. Гендерсоном, который обусловил прогресс на переговорах о заключении постоянного советско-британского торгового соглашения разрешением коллизии вокруг «Лены»²⁴. Однако инцидент, оказывавший заметное влияние на диалог Москвы и Лондона, все же потребовал создания комиссии для определения последствий фактически вторичной национализации концессии²⁵.

Полное урегулирование вопроса заняло более трех лет. В конечном итоге упорство владельцев «Лены» при поддержке Уайтхолла на фоне изменившейся международной обстановки принесло свои плоды [Veeder 1998, pp. 747–792]. 4 ноября 1934 г. советская сторона наконец согласилась уплатить акционерам 3 млн ф. ст. в течение 20 лет, хотя на практике к 1 мая 1940 г. полученная ими компенсация составила лишь 1 млн 67 тыс. ф. ст., причем оставшаяся задолженность так и не была погашена, несмотря на выпуск в марте 1935 г. Народным комиссариатом финансов СССР беспроцентных облигаций в пользу акционеров «Лены Голдфилдс» на общую сумму 2 млн 950 тыс. ф. ст. [Соколов 2019, с. 85–86]²⁶. Только в 1967–1968 гг. вопрос о задолженности советского правительства перед компанией была окончательно урегулирован в ходе двусторонних переговоров [Соколов 2019, с. 86–87].

Инцидент с «Леной Голдфилдс» аналогично делам с другими британскими концессиями позволяет сделать вывод относительно объективных и субъективных причин провала советско-британского концессионного сотрудничества в 1920-х гг. К первым, очевидно, следует отнести начало глобального экономического кризиса и общую дестабилизацию ситуации на мировых финансовых рынках, которая сокращала возможность привлечения иностранного капитала в СССР [Dobb 1932, p. 48]. Разрыв двусторонних отношений в 1927 г. и отказ банков Сити от кредитования операций с деловыми партнерами из Страны Советов также затрудняли функционирование концессий. По свидетельству бывшего личного секретаря Сталина, «западным капиталистам предлагались концессии на очень заманчиво выглядящих и внешне очень выгодных условиях. Условия договора хорошо соблюдались, пока концессионер ввозил и устанавливал в России машины, оборудование и пускал предприятие в ход. Вслед за тем

²⁴ Сообщение о беседе Литвинова с Гендерсоном, 26 мая 1931 г. // ДВП СССР. Т. 14. С. 352–354.

²⁵ Литвинов – Сталину, 6 августа 1931 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. Пап. 75. Д. 35. Л. 64–65.

²⁶ Note by Foreign Office, 1 May 1940 // DBFP. Second ser. Vol. 7. P. 58–59.

при помощи любого трюка... концессионер ставился в условия, при которых он договор выполнить не мог, договор расторгался, а навешенное оборудование и налаженное предприятие переходило в собственность советского государства»²⁷.

Что же касается субъективных причин, то отсутствие взаимного доверия сторон, а главное неприятие большей частью партийной номенклатуры указанной формы экономического сотрудничества наряду с критическим отношением британских промышленников к советскому режиму преопределили неудачу концессионной политики 1920-х гг. Перевод народного хозяйства России на административно-командные рельсы в условиях форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства свидетельствовал об утопичности надежд на совмещение элементов рыночной экономики с тоталитарным политическим режимом.

Литература

- Балашов 2012 – *Балашов А.М.* Возрождение и развитие предпринимательства в России в период нэпа (государственно-частное партнерство с участием иностранного капитала). Старый Оскол: Тонкие наукоемкие технологии, 2012. 327 с.
- Бутковский 1928 – *Бутковский В.Л.* Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. М.; Л.: Государственное изд-во, 1928. 123 с.
- Давыдова 2002 – *Давыдова Т.В.* Концессии как форма участия иностранного капитала в советской экономике 1920-х гг. // Россия в XIX–XX вв.: Материалы II Научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина, 20 января 2002 г. М.: Изд. МГУ, 2002. С. 72–91.
- Данильченко 2000 – *Данильченко С.Л.* Концессионная политика советского государства в годы нэпа (1921–1929): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Изд-во МПГУ, 2000. 24 с.
- Донгаров 1990 – *Донгаров А.Г.* Иностранный капитал в России и СССР. М.: Международные отношения, 1990. 165 с.
- Касьяненко 1972 – *Касьяненко В.И.* Завоевание экономической независимости СССР (1917–1940). М.: Политиздат, 1972. 335 с.
- Красин 1928 – *Красин Л.Б.* Вопросы внешней торговли. М.: Государственное изд-во, 1928. 429 с.
- Соколов 2019 – *Соколов А.С.* Концессионный заем обществу «Лена Голдфилдс» (1935 г.) как форма англо-советского экономического сотрудничества // Политическая жизнь Западной Европы: Античность. Средние века. Новое и

²⁷ *Бажанов Б.Г.* Указ. соч. С. 132.

- новейшее время / отв. ред. А.Р. Панов. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. Вып. 14. С. 84–88.
- Шишкин 1983 – *Шишкин В.А.* «Полоса признаний» и внешнеэкономическая политика СССР (1924–1928 гг.). Л.: Наука, 1983. 365 с.
- Шпотов 2008 – *Шпотов Б.М.* Иностранные концессии в советском государстве (1920-е гг.) // Экономическая история России XVII–XX вв.: динамика и институционально-социокультурная среда. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 184–192.
- Boyce 2009 – *Boyce R.* The great interwar crisis and the collapse of globalization. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. 611 p.
- Dobb 1932 – *Dobb M.* Soviet Russia and the world. L.: Sidgwick & Jackson, 1932. 178 p.
- Hayes 1978 – *Hayes P.* The twentieth century, 1880–1939. N.Y.: St Martin's Press, 1978. 343 p. (Modern British foreign policy)
- Knieckerbocker 1931 – *Knieckerbocker H.R.* Soviet trade and world depression. L.: J. Lane, 1931. 288 p.
- Lewis 1994 – *Lewis R.* Foreign economic relations // The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945 / comps R.W. Davies et al. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 198–215.
- Pollard 1983 – *Pollard S.* The development of the British economy, 1914–1990. Baltimore, MD: E. Arnold, 1983. 422 p.
- Sutton 1968–1971 – *Sutton A.* Western technology and Soviet economic development, 1917–1930. Stanford, CA: California University Press, 1968–1971. Vol. 1–2.
- Veeder 1998 – *Veeder V.V.* The Lena Goldfields arbitration: The historical roots of three ideas // International and Comparative Law Quarterly. 1998. Vol. 47. No. 4. P. 747–792.

References

- Balashov, A.M. (2012), *Vozrozhdenie i razvitie predprinimatel'stva v Rossii v period nepa (gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo s uchastiem inostrannogo kapitala)* [Revival and development of entrepreneurship in Russia during the NEP period (state and private partnership involving foreign capital)], Tonkie Naukoemkie Tekhnologii, Staryi Oskol, Russia.
- Boyce, R. (2009), *The great interwar crisis and the collapse of globalization*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK.
- Butkovsky, V.L. (1928), *Inostrannye kontsessii v narodnom khozyaistve SSSR* [Foreign concessions in the national economy of the USSR], Gosudarstvennoe izdatel'stvo, Moscow, Leningrad, USSR.
- Daniľchenko, S.L. (2000), *Kontsessionnaya politika sovetskogo gosudarstva v gody nepa (1921–1929)* [Concession policy of the Soviet state during the NEP period (1921–1929)], Abstract of Ph.D. dissertation (History), Izdatel'stvo MPGU, Moscow, Russia.

- Davydova, T.V. (2002), "Concessions as a form of involving foreign capital in the Soviet economy of the 1920s", in *Rossiya v XIX–XX vv.: Materialy II Nauchnykh chtenii pamyati professora V.I. Bovykina, 20 yanvarya 2002 g.* [Russia in the 19th – 20th centuries: Proceedings of the II Scientific Readings Commemorating Professor V.I. Bovykin, 20 January 2002], Izdatel'stvo MGU, Moscow, Russia, pp. 72–91.
- Dobb, M. (1932), *Soviet Russia and the world*, Sidgwick & Jackson, London, UK.
- Dongarov, A.G. (1990), *Inostrannyi kapital v Rossii i SSSR* [Foreign capital in Russia and the USSR], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, USSR.
- Hayes, P. (1978), *The twentieth century, 1880–1939*, Saint Martin's Press, New York, USA.
- Kasyanenko, V.I. (1972), *Zavoevanie ekonomicheskoi nezavisimosti SSSR (1917–1940)* [Gaining the political independence of the USSR (1917–1940)], Politizdat, Moscow, USSR.
- Knieckerbocker, H.R. (1931), *Soviet trade and world depression*, J. Lane, London, UK.
- Krasin, L.B. (1928), *Voprosy vneshnei torgovli* [Foreign trade issues], Gosudarstvennoe izdatel'stvo, Moscow, USSR.
- Lewis, R. (1994), "Foreign economic relations", in Davies R.W. et al., comps., *The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 198–215.
- Pollard, S. (1983), *The development of the British economy, 1914–1990*, E. Arnold, Baltimore, MD, USA.
- Shishkin, V.A. (1983), "Polosa priznanii" i vneshneekonomicheskaya politika SSSR (1924–1928 gg.) ["Recognition series" and the foreign economic policy of the USSR], Nauka, Leningrad, USSR.
- Shpotov, B.M. (2008), "Foreign concessions in the Soviet state (the 1920s)", in *Ekonomicheskaya istoriya Rossii XVII–XX vv.: dinamika i institutsional'no-sotsiokul'turnaya sreda* [Economic history of the 17th – 20th century Russia: dynamics and the institutional-sociocultural environment], UrO RAN, Ekaterinburg, Russia, pp. 184–192.
- Sokolov, A.S. (2019), "Concession loan to the company 'Lena Goldfields' as a form of Anglo-Soviet economic cooperation", in Panov, A.R., ed., *Politicheskaya zhizn' Zapadnoi Evropy: Antichnost'. Srednie veka. Novoe i noveishee vremya* [Political life of Western Europe: Antiquity, the Middle Ages, the New and Newer Time], Arzamasskii filial NNGU, Arzamas, Russia, pp. 84–88.
- Sutton, A. (1968–1971), *Western technology and Soviet economic development, 1917–1930*, California University Press, Stanford, CA, USA, vol. 1–2.
- Veeder, V.V. (1998), "The Lena Goldfields arbitration: the historical roots of three ideas", *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 47, no. 4, pp. 747–792.

Информация об авторе

Евгений Ю. Сергеев, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, д. 32А; eugene.sergeev59@gmail.com

Information about the author

Evgenii Yu. Sergeev, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32A, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334; eugene.sergeev59@gmail.com